

РЕЛИГИОЗНЫЙ АНЕКДОТ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Формулируемая тема данной статьи вводит рассмотрение религиозного анекдота как объекта социологического анализа в широкий **проблемный контекст**, поскольку анализировать такое социальное или, если точнее, социокультурное явление как религиозный анекдот необходимо на нескольких уровнях. Во-первых, на уровне понимания смеха как сущностного феномена человеческого существования (условно определим это как макроуровень социологического анализа). Во-вторых, на уровне понимания религиозного анекдота как феномена, связанного с функционированием религии как конкретного социокультурного явления и как социального института (условно определим это как микроуровень социологического анализа).

Но, прежде всего, следует определиться с тем, является ли смех феноменом исключительно человеческого существования, для чего необходимо обратиться к результатам современной социобиологии. Да, существует длительная, заложенная ещё Аристотелем, традиция понимать человека как “смеющееся животное”. Традиция, на наш взгляд, заведшая человека в очередной тупик наивного антропоцентризма. Современные сравнительно-этологические исследования опровергли представления об исключительно человеческой природе множества феноменов, традиционно провозглашаемых атрибутами нашего существования. Например, о способности к игре, символической интеракции и связанному с ними смеху. Согласно этим исследованиям, смех возник в животном мире путём переориентирования или, точнее, ритуализации агрессивного поведения. Сразу же отметим (это будет важно для наших дальнейших рассуждений), что, по мнению современных социобиологов (в частности, Э. Уилсона и Д. Борджиа), человек в проявлении агрессивности превосходит все другие живые организмы и агрессия является основной формой общественного поведения. В целом же, у человека и животных (особенно, приматов) общими являются механизмы предотвращения и торможения агрессии. К таким механизмам, в частности, относятся улыбка и смех, используемые для снятия возможной напряжённости и враждебности у адресата. Существует понятие “улыбка примата”, которым характеризуется игровая мимика, свойственная приматам в моменты дружелюбных взаимодействий. Следует отметить и упоминание В. Л. Левченко о том, что крысы, играя друг с другом, “смеются”. Этот “смех” возникает в результате осознания крысой неопасности действия, направленного на неё (2, с.72).

Возвращаясь к мысли о том, что агрессия – основная форма общественного поведения, можно развить её, сказав, что человек как существо общественное (или политическое, если вновь вспомнить Аристотеля) постоянно нуждается в ритуализации агрессивного поведения, то есть постоянно нуждается в смехе. Возможно, человек не столько просто смеющееся животное (потому что смеются и другие животные), сколько самое смеющееся животное? Разумеется, стремясь уйти от наивного антропоцентризма, мы вовсе не намерены впасть в столь же наивное социобиологизаторство. И вполне отдаём себе отчёт в том, что существует сугубо человеческое смеховое самосознание, то есть различие серьёзного и смешного. Хотя и здесь достаточно много условного и относительного, поскольку, во-первых, смех – ценностно обусловленное, а значит, отнюдь не столь уж универсальное для человечества явление, а, во-вторых, в настоящее время происходит разрушение смехового самосознания. Но, по крайней мере, одна универсальная категория человеческого существования может быть увязана со смехом (или, если точнее, с его социокультурным аспектом). Это категория свободы.

Смех, а именно тот карнавальный, игровой народный смех, о котором писал М. М. Бахтин, всегда позволял человеку преодолевать неподлинность официальных ценностей, норм, отношений; преодолевать социальную иерархию, жёсткость социальных ролей и ожиданий, связанных с этими ролями. В таком аспекте смех является компенсацией

внешней необходимости с её императивностью, обязательностью, структурированностью и средством достижения пусть и виртуальной (а иной и не бывает), но – свободы. Вышеописанное свойство смеха может проявляться в самых различных контекстах – в контексте идеологии, политики, экономики, морали и, естественно, религии. Все вышеперечисленные понятия можно обозначить как исторически сложившиеся формы жизнедеятельности людей или, говоря проще, как социальные институты. А все социальные институты, так или иначе, навязывают человеку ценности, которые воспринимаются им зачастую как неподлинные (иногда справедливо, иногда – нет, но не в этом суть). Социальные институты выполняют ряд функций, которые американский социолог Р. Мертон разделил на явные и латентные. К явным функциям религии, например, относятся функции социализации и легитимации социального порядка. Как и всякий социальный институт, религия воздействует на человека внешним, принудительным образом, заставляя человека принимать необходимые обществу или определённой социальной группе нормы, ценности, образцы поведения. Если эти нормы и ценности не интериоризируются (внутренне не осваиваются, не включаются в систему норм и ценностей личности), они воспринимаются как чуждые и даже враждебные, а социальный институт, участвующий в формировании этих норм и ценностей – как репрессивный и реакционный. Кстати, известный немецкий религиовед Г. Кюнг говорил об амбивалентной природе религии. Она может выступать одновременно и как гуманистическая система, и как репрессивная система. Вполне очевидно, что смех как средство преодоления неподлинности, враждебности ряда установок, навязываемых личности религией может реализовываться в таком элементе карнавальной смеховой культуры как религиозный анекдот. **Данная статья преследует своей целью выстроить первоначальную типологию религиозных анекдотов на основании изучения их тематики и специфических функций.**

Существуют анекдоты, смягчающие и даже высмеивающие некоторые религиозные ограничения. Например: *“Приходит старушка на исповедь и говорит священнику: “Батюшка, я грешница!” – “А в чём же ты согрешила?” – “Да я в пост колбасу ела” - “Какую?” – “За пять гривен” – “Ступай с миром, ты не грешница, ты – мученица”*. Высмеивается также буквальное, бездумное следование некоторым другим религиозным предписаниям. Например: *“Начался второй всемирный потоп. В воде погибают люди, исчезают дома. На крыше одного из домов сидит правоверный иудей и читает Тору. Над ним пролетает вертолёт, люди из вертолёта спускают верёвку и предлагают иудею вытащить его, но тот отказывается: “Сказано – читающий Тору, спасётся”. Вода, между тем, всё прибывает и прибывает. Рядом с иудеем проплывает надувная лодка. Люди, находящиеся в ней, зовут иудея к себе. Но, он вновь отказывается: “Сказано – читающий Тору, спасётся”. А вода достигает уже ног, пояса и, наконец, шеи иудея. И тогда он, обращаясь к небу, взывает: “Отче, Ты же сказал – читающий Тору, спасётся. Отчего же я тону?” И слышит ответ: “Я тебе вертолёт присылал? Присылал. Надувную лодку присылал? Присылал. Что же ты ещё хочешь?”*

Религиозный анекдот часто выступает медиатором и между более острыми оппозициями человеческого существования и религиозного миропонимания. Такие темы как смерть, жизнь после смерти, рай, ад в религиозном анекдоте теряют пугающую таинственность и становятся уже не столь страшны. Например: *“Стоит апостол Пётр у ворот в рай. Слышит – приближаются шаги. Приготовился к встрече новой души, но шаги повернули вспять. Стоит апостол Пётр себе дальше. Снова – те же шаги, которые вновь поворачивают вспять. Наконец, когда шаги слышатся в третий раз, появляется и душа. Апостол Пётр спрашивает её: “Ну и что это было?” – “Реанимация”*. Или: *“Попадает мужик в рай. Вокруг чистенько, ангелы на арфах играют, к столу амброзию и нектар подают. Заскучал мужик. Попросился у Бога на пару дней в ад. Бог отпустил. А там – карты, девочки, вино рекой, - в общем, весело. Вернувшись, мужик попросился в ад*

навсегда. Но, едва он туда вновь попадает, черти хватают его и волокут в чан с кипящей смолой. “Да что же это? Здесь же было так весело!” – “Ну, ты не путай туризм с эмиграцией”.

Довольно часто высмеиваются также конкретные ситуации в жизнедеятельности различных конфессий, а также, личностные качества священнослужителей. Отчасти это можно объяснить тем, что эти ситуации и качества действительно должны быть подвергнуты осмеянию. Отчасти же, тем, что, как справедливо отмечает Е. А. Золотарёва, смех, веселье – это традиция, уходящая корнями в древние религиозно-мистические культы (1, с. 12). Институт юродивых, на наш взгляд, является христианской трансформацией института скоморошества, и смех юродивых восходит к ритуальным осмеяниям, присутствовавшим во многих первобытных культах. Осмеяния – это десакрализация, профанирование, “разволшебствование”, очеловечивание священного.

Здесь правомерен вопрос, не приведёт ли такая смеховая десакрализация религии к утрате её смысловых оснований и самого понятия священного. Смех, как и религия, понятие амбивалентное. Он не только освобождает человека и противостоит агрессии, но и сам может выступать как форма агрессии и насилия. Мы могли бы привести здесь в качестве примера целый ряд религиозных анекдотов, демонстрирующих совершенно необоснованную, необъяснимую ни одной из вышеперечисленных причин агрессию по отношению к религии. Но вряд ли это возможно и уместно. Амбивалентность смеха выражена в двух взаимоисключающих высказываниях: “Где смех – там и грех” и “Уныние – грех”. Особенно актуальны эти рассуждения в настоящее время, когда разрушается смеховое самосознание, то есть теряется различие серьёзного и смешного и нарушаются механизмы ритуализации агрессии.

И тем не менее, человек обречён быть смеющимся, в том числе, и над религией. Во-первых, потому что религия – непреходящее явление. Во-вторых, потому что человек, как мы уже говорили, существо агрессивное, и будет вынужден вырабатывать механизмы торможения агрессии, и здесь ему вновь понадобится смех (даже если оппозиция серьёзное – смешное претерпит радикальную трансформацию). В-третьих, человек всегда, как существо общественное, будет существовать в социально институционализированных контекстах, одним из которых является религия, и всегда будет стремиться освободиться от внешнего воздействия этих контекстов (опять таки, с помощью смеха, карнавализации, игры со смыслами). В-четвёртых, реальное функционирование религиозных организаций всегда будет давать повод для его высмеивания. И, наконец, в-пятых, смех в религиозном комплексе будет выполнять медиаторную функцию, то есть смягчать наиболее острые оппозиции религиозного мировосприятия, но само понятие священного при этом, по нашему мнению, не страдает.

Результатом предварительного социологического анализа религиозного анекдота могла бы стать его типология. Первый тип религиозных анекдотов – анекдоты, выступающие медиаторами между оппозициями человеческого существования и религиозного мировосприятия, примеры которых уже приводились. Второй тип религиозных анекдотов – анекдоты, профанирующие, десакрализирующие религиозные образы (в том числе, образы Бога-Отца и Христа). Именно они, на наш взгляд, восходят к древним религиозно-мистическим культам. Примеры таких анекдотов: *“Стоит апостол Пётр у ворот в рай. Захотелось отойти. Попросил постоять вместо себя Христа. Христос слышит шаги, приближающиеся к раю. Спрашивает: “Чья душа и почему идёшь в рай?” – “Я душа плотника, сына которого знают и любят во всём мире”. Христос: “Папа?!” Душа: “Буратино?!” Или: “Играет Христос в гольф. Бьёт мячом далеко мимо лунки. Мяч подхватывает зайчик и бежит с ним далеко в сторону. Зайчика хватается ястреб и взлетает с ним в небо. Из лесу выбегают охотники, стреляют в ястреба. Ястреб теряет зайчика, зайчик теряет мячик и тот падает точно в лунку. Христос взывает к небу: “Папа! Ну дай мне хоть раз сыграть самому!”* Третий тип религиозных

анекдотов – анекдоты, высмеивающие особенности реального функционирования различных религиозных конфессий и личностные качества их священнослужителей. Например: *“Приходит к православному священнику “новый русский” и говорит: “Ну, типа, Отец, мне нужна молитва для “новых русских” - “А такой нет” – “А за тысячу баксов?” - “Да нет же такой!” – “А если ещё столько же сверху положу?” – “Ну хорошо, записывайте: “Отче наш, и реструктурируй долги наши...”” Или: “Встретились православный священник, ксёндз и раввин. Стали делиться сведениями о чудесах, произошедших с ними. Православный священник: “Плыву я на корабле, вокруг бушует шторм. Я помолился и возле нашего корабля стало тихо и спокойно.” Ксёндз: “Лечу я в самолёте. Начинается страшный град. Я помолился и вокруг нашего самолёта стало ясно и сухо.” Раввин: “Иду я в субботу на службу. Вижу: кошелёк лежит, а поднять нельзя – суббота ведь. Я помолился, и представляете, везде суббота, а в том месте, где я и кошелёк – воскресенье.”* Четвёртый тип религиозных анекдотов – анекдоты, пытающиеся смягчить некоторые религиозные установки (пост, молитва и т.д.). Их примеры также уже приводились. Пятый тип религиозных анекдотов – анекдоты, связанные с разрушением смехового самосознания, с утратой различения серьёзного и смешного, и демонстрирующие необоснованную агрессию по отношению к религии.

Разумеется, *эта типология в ходе дальнейшего анализа религиозного анекдота с привлечением большего массива материала, может быть уточнена и детализирована.* Нам же необходимо было сделать *первый, достаточно сложный не только в методологическом, но и в этическом аспектах, шаг на пути к социологическому изучению религиозного анекдота.*

1. Золотарёва Е.А. Языческая смеховая культура и христианство как истоки современного массового празднества // О природе смеха. Материалы круглого стола. – Одесса, 2000.
2. Левченко В.Л. Смех и тело // // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 1. Людина у світі сміху. – Одесса: ООО Студия «Негоциант», 2002.